

Вистава «...из мира аднаво в другой...»
(«Записки сумасшедшего» Гоголя)
(прем'єра 2005, 2010)
Режисер: Марк Нестантинер
Художник-постановник: Володимир Карашевський
Пластика: Алла Рубіна
Поприщин – Віталій Лінецький

Алла Подлужная

СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ СУМАСШЕДШИМ

Режиссер Марк Нестантинер последние лет десять живет на две страны — Украину и Германию. Спектакли, которые раньше сделали ему имя, теперь в прошлом. То, что он ставит в Германии, украинскому зрителю недоступно. Приезды Нестантинера в Киев обычно сопровождались его критическими оценками того, что сделали коллеги в столичных театрах... И вот наконец-то он сам созрел и показал, «как надо», поставив спектакль в Государственном центре театрального искусства им. Леся Курбаса — «...Из мира аднаво в другой...», летаргическая клоунада по повести Н. Гоголя «Записки сумасшедшего» с собственной сценографией. В числе создателей спектакля Владимир Карашевский (дизайн) и Алла Рубина (пластика). Как известно, в «Записках сумасшедшего» одно действующее лицо — мелкий чиновник Поприщин. В спектакле его играет Виталий Линецкий. Но режиссер вводит в действие еще трех персонажей, фигурирующих в рассказе Поприщина, — Мавру, Софи и инквизитора (их сыграла Виктория Авдеенко). «Записки...» — излюбленный материал для актеров, приемлющих жанр монотеатра. Здесь безграничные возможности для актерского самовыражения. Ведь сколько существовать человеку, столько и искать выход в потемках собственной души, столько и бороться с химерами окружающего мира, которые разрушают мир свой, внутренний, столько и возрождать в себе, через непонимание и унижение, то умирающее, вопиющее собственное «я». Конечно, Гоголь в этой повести писал о себе. Но как писатель гениальный, он сумел выйти на великие обобщения, вот уже несколько десятилетий дающие основания любому человеку ощущать: это — обо мне. «Ум человеческий приносится ветром со

стороны Каспийского моря...». Бедный и жалкий Поприщин, разум которого понесся все тем же ветром дальше, в далекую страну Испанию...

Как превратить полутарочасовой монолог в динамичное зрелище? Как пространный литературный текст обратить в театр? На спектакле Центра Курбаса дают такой ответ — это образная сценическая идея и... одаренный актер. Режиссер отгораживает мирок Поприщина-Линецкого от внешней реальности матовым многофункциональным экраном. На нем — вроде россыпь звезд и какие-то грязные кляксы, как от плохо очиненных перьев. Причудливыми тенями будут двигаться по нему видения и мечты Поприщина. Сможет он дотронуться до него руками... Сможет пройти за ним и вдоль него. Почувствовать спиной свою защищенность. В наивысший эмоциональный момент выплеснет Поприщин на этот экран, как в мир, реальные краски: красная — его отчаяние, а белая — его надежда. Смешавшись на стекле, прольются они живописными, уже алыми потоками, словно струйками крови. И сквозь потоки израненного, безумного сердца этого человека увидят зрители в отражении призрачного стекла свои лица.

Весь рассказ Поприщина-Линецкого — это разговор с самим собой. Отсюда найденная манера бормотания, словно себе под нос, внутренняя сосредоточенность, отстраненность, объясняемая навязчивой заикленностью на происходящем в себе. В монотонности изложения актером нащупывается некое состояние, сродни медитации, развивающееся по законам драматургии с экспозицией, кульминацией, развязкой. Без особенных внешних аффектаций актер создает напряженнейшее внутреннее поле, которое звенит трагизмом, растерянностью и убежденностью одновременно. Вслушиваясь в ровный, иногда бесстрастный, какой-то бесцветный голос Линецкого, ловишь себя на мысли, что уже и не интересно следить за событиями, им поведенными, не важно, как он общается со скупым реквизитом со столом, со стулом, с убогой

кроватю... Остаешься загипнотизированным его сдержанно-взрывными интонациями, их убедительным посылом и завораживающими вибрациями голоса. Проявления внешнего мира — Мавра, Софи, инквизитор — в спектакле нарочито странны. Сделав эти разные явления в образе одной актрисы, режиссер словно утверждает: мир вокруг нас меняется, принимая каждый раз иные обличья, формы, но остается прежним, одним и тем же. И с этой данностью необходимо согласовывать свои притязания к нему. В спектакле «...Из мира аднаво в другой...» Поприщин не агрессивен сумасшедший, обуреваемый страстями, а, скорее, безумный интеллектуал, всерьез озабоченный спасением Луны, на которой живут наши носы, то есть одержимый ему одному ведомой идеей. Стремясь постичь истину, он предчувствует и осознает в себе живое начало, от рождения пульсирующее в каждом человеке, и тихо угасает, не сумев справиться с осознанием иллюзорности мира. Создатели спектакля дают почувствовать многомерность Гоголя. Глубина и космичность, открытые в образе Поприщина — этой «черепашки в мешке», свидетельствуют об огромном пласте, поднятом в процессе работы над материалом. Очевидно и логично то, что такой спектакль — своеобразная лаборатория — родился не в репертуарном театре, а именно в Центре Курбаса, серьезно занимающемся исследованиями природы театрального искусства. Любое сценическое произведение стремится найти в зрителе переживающего собеседника. «...Из мира аднаво в другой...» — не исключение. И пусть зрители не пугаются умозаключения Шекспира, вынесенного в эпитафию к спектаклю: «Мир — это сказка, рассказанная идиотом». Под текст Гоголя хорошо размышлять. Сумев войти в резонанс с медитацией несчастного Поприщина, зритель будет вознагражден надеждой понять героя, в идеале — понять себя.

Газета «Зеркало недели» 2.12.2005

ВИСТАВИ
